

«За освобождением Азии придет освобождение России». Российская эмиграция в Маньчжоу-дого (1941–1945)

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120022108-9

Аурилене Елена Евлампиевна

Доктор исторических наук, профессор, Дальневосточный институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (адрес: 680000, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33). ORCID: 0000-0002-6949-6919. E-mail: elena_aurilene@mail.ru

Тужилин Святослав Вячеславович

Кандидат исторических наук, эксперт Московского отделения Российского военно-исторического общества (107031, Москва, ул. Петровка, д. 17). ORCID: 0000-0002-6949-6919. E-mail: svyatoslav.tuzhilin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2022.

Аннотация:

В статье рассматривается положение русской эмиграции в марионеточном государстве Маньчжоу-дого в условиях войны за «Великую Восточную Азию». На основе уникальных архивов Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), документов Токийского процесса, русскоязычных печатных изданий, источников личного происхождения раскрыты попытки японского командования использовать патриотические настроения «белых русских» для превращения их в лояльных подданных марионеточной империи и союзников в борьбе за господство в Восточной Азии. С этой целью под контролем японских военных миссий была развернута системная идейно-политическая работа, направленная на внедрение в сознание эмигрантского населения ценностей японской великодержавной политики. Пропаганда японской идеологии и образа жизни шла через школу, общественно-политические организации, структуры БРЭМ, периодическую печать, массовые политические акции, включение эмигрантов в систему обеспечения нужд воюющей японской армии. Идейно-политическую пропаганду подкрепляли полицейский контроль в режиме военного времени и откровенная фальсификация событий на советско-германском фронте. Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз имело широкий резонанс в эмигрантской среде, вызвав стремительный рост оборонческих настроений. Для большинства русского населения патриотическое чувство оказалось сильнее политической пропаганды и страха перед расправой, чинимой военно-полицейским режимом. Многие эмигранты, включая служащих силовых и прочих официальных учреждений, стали работать на советскую разведку. По этой причине в 1945 г. японские власти не решились использовать русские воинские подразделения, подготовленные для борьбы с Красной Армией.

Ключевые слова:

русская эмиграция в Маньчжоу-дого, «оборонцы» и «пораженцы», Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, «новый порядок в Восточной Азии».

Для цитирования:

Аурилене Е.Е., Тужилин С.В. «За освобождением Азии придет освобождение России». Российская эмиграция в Маньчжоу-дого (1941–1945) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 5. С. 159–170. DOI: 10.31857/S013128120022108-9.

История русской эмиграции в Китае находится в поле научного интереса отечественных исследователей с тех пор, как в конце 1980-х гг. стали открываться возможности для ее объективного изучения. Политическая деятельность русских эмигрантов в Маньчжоу-дого в 1941–1945 гг. — один из наиболее сложных аспектов данной проблематики прежде всего в силу противоречивости документальных источников и ограниченно доступу к ведомственным архивам.

Представленное в статье исследование основано на уникальных документах Центрального архива ФСБ России, Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжур-

ской империи (БРЭМ), источников личного происхождения, позволяющих взглянуть на русское эмигрантское сообщество глазами японского генерала, тайных агентов разведки и контрразведки БРЭМ, простых эмигрантов, ставших свидетелями и объектами политики марионеточного режима Маньчжоу-дого. Материалы русскоязычной прессы и пропагандистской литературы демонстрируют усилия идеологов «нового порядка в Восточной Азии», направленные на превращение эмигрантов в сплоченных борцов против коммунизма, готовых, в случае столкновения с СССР, сразаться с Красной армией.

Эмигранты, укрывшиеся в Маньчжурии от Гражданской войны и советской власти, в большинстве своем не хотели ни войны, ни политики. Маньчжурия привлекла их русским укладом жизни в полосе отчуждения КВЖД, давала надежду на поддержку соотечественников, составлявших дореволюционное население «счастливой Хорватии». С переходом дороги в паритетное советско-китайское управление в русской Маньчжурии возникло два политических лагеря — красные и белые, понимавшие патриотизм в соответствии с идейно-политическими убеждениями. Между ними существовал довольный широкий слой людей, чье политическое кредо было неустойчивым. Ради возможности получить место на КВЖД и достойно обеспечить свою жизнь многие эмигранты становились гражданами СССР или Китайской республики. Четверть беженского населения не имела работы и существовала за счет благотворительных учреждений. По этой же причине масса русских военных эмигрантов в качестве способа выживания выбрала службу в частях местных генералов и была вовлечена в междоусобные войны властителей провинций.

В 1920-е гг. инерция Гражданской войны продолжала будоражить горячие головы белых офицеров, считавших себя патриотами России и намеревавшихся вести войну с большевиками из-за границы. Между предводителями различных военно-политических группировок шли перманентные распри из-за денег, власти и непреодолимых идейных противоречий. К началу 1930-х гг. патриотические иллюзии белых вождей на тему свержения советской власти в основном улеглись, активность даже самых радикальных группировок постепенно угасала.

«Маньчжурский инцидент» 18 сентября 1931 г. обозначил новый политический вектор в жизни русского населения Маньчжурии. В начале 1930-х гг. судьбу Японии, увязшей в депрессии и переживавшей острый политический кризис, вершили радикально настроенные военные круги. Выход из экономического и социально-политического тупика они видели во внешней экспансии. «Маньчжурский инцидент» был первым шагом к национальной катастрофе, постигшей Японию в 1945 г. Амбициозная авантюра стратегов «нового порядка в Восточной Азии» обернулась кровавой трагедией для всех вольных или невольных ее участников.

Созданное японцами 1 марта 1932 г. государство Маньчжоу-го стало новым политическим «капканом» для русской эмиграции. Тот, кто не мог или не хотел уезжать из Маньчжурии, неминуемо становился объектом японской политики. Оккупационные власти поощряли антисоветскую активность фашистов и сторонников атамана Г.М. Семёнова, официально объявленного «вождем» русской эмиграции на Дальнем Востоке. Первые верили в спасительную силу новой национальной идеи, вторые примеряли старую — монархическую — идею к новым политическим реалиям. И те, и другие рассчитывали на поддержку японцев. Большинство эмигрантов по-прежнему было занято поиском средств к существованию и в политических играх участвовать не хотело.

Через два года своего существования Маньчжоу-го было провозглашено «Великой Маньчжурской империей» (Маньчжоу-дого), декоративный фасад которой украсила фигура последнего цинского императора Пу И. Несмотря на формальные признаки государства, управлением новоявленной «империи» занималась Японская военная миссия (ЯВМ), головной орган которой находился в Харбине. Идеино-политическое воспитание многонационального населения осуществляла созданная японцами организация Кио-Ва-

Кай¹. Эта своеобразная государственная партия, по целям и методам работы напоминавшая фашистскую, должна была сплотить народы Маньчжоу-дго в борьбе с мировым коммунизмом и западными колонизаторами. Имея особый интерес к русской эмиграции, японские власти создали Русский отдел Кио-Ва-Кай, в задачу которого входил поворот антисоветских настроений беженцев в русло «нового порядка». Однако преодолеть политическую апатию основной массы эмигрантов, так же как и настроить на японский лад немногочисленных белых активистов-патриотов, властям не удавалось.

После провала попыток сплочения эмигрантов вокруг какой-либо русской политической группы японцы изменили объединительную тактику и учредили специальный административный орган — Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ)². Главное бюро (ГБРЭМ) находилось в Харбине, представительства и отделения открылись в городах и поселках. Несмотря на обилие публикаций, деятельность этого «эмигрантского правительства» еще недостаточно изучена историками, а мемуары непосредственных участников событий содержат противоречивые оценки. В документах, составленных в кабинетах НКВД, освещена главным образом политическая работа БРЭМ, т.к. остальные аспекты особого интереса для сотрудников госбезопасности не представляли.

О целях создания БРЭМ свидетельствовал в собственноручных показаниях от 30 января 1946 г. бывший начальник штаба Квантунской группировки войск генерал-лейтенант Хата Хикосабуро: «Хотя в Маньчжурии проживало всего около 70 000 белоэмигрантов, они были разобщены и разбиты на разные группировки... Поэтому было решено объединить их, учредив “Бюро российских эмигрантов”, в ведении которого должны были находиться вопросы снабжения, назначения на работу и т.п. Кроме того, предполагалось прививать им японофильские настроения и завербовывать наиболее способных из них для выполнения агентурно-разведывательных, пропагандистских и диверсионных заданий»³. Для подготовки кадров, способных заниматься дезорганизацией советского тыла и диверсиями на железных дорогах, ЯВМ сформировали три русских воинских отряда, дислоцированные на станциях Сунгари-2 и Ханьдаохэцзы, в районе г. Хайлара. По свидетельству Х. Хаты, постоянный состав каждого отряда насчитывал 250–300 чел. В провинции Муданьцзян были созданы курсы лесной полиции, которые, кроме основной задачи, тоже готовили диверсантов⁴.

Насколько деятельность Бюро отвечала ожиданиям его создателей? Все эмигранты были зарегистрированы, пересчитаны; мужское население призывного возраста принуждено нести службу в воинских и полицейских отрядах; военные организации взяты на учет и объединены в Дальневосточный союз военных при специальном военном отделе. Второй отдел — культурно-воспитательный — возглавлял лидер Российского фашистского союза (РФС) К.В. Родзаевский⁵. Патриотическая идея, которую отдел Родзаевского должен был внедрять в сознание эмигрантов, представляла собой экзотическую смесь итальянского фашизма, православной религии, русской сословно-представитель-

¹ Кио-Ва-Кай (кит. *Сехэхуэй*) — «Общество мирного сотрудничества народов» — массовая государственная партия фашистского типа, созданная японцами 25 июля 1932 г. на территории оккупированной Маньчжурии для политической интеграции населявших ее народов.

² Объявление об учреждении Бюро по делам российских эмигрантов было сделано представителями ЯВМ на собрании русской общественности 28 декабря 1934 г.

³ ЦА ФСБ России. Д. Р-45673. Т. 1. Л. 17.

⁴ ЦА ФСБ России. Д. Р-45673. Т. 1. Л. 18.

⁵ Родзаевский Константин Владимирович (1907–1946) — лидер русского фашистского движения на Дальнем Востоке, руководитель культурно-просветительного отдела, один из заместителей начальника ГБРЭМ. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 30 августа 1946 г. в Москве.

ской монархии и японофильства. Третий — административный отдел, кроме официальных функций, по заданию ЯВМ занимался разведкой и контрразведкой: собирал информацию об эмигрантах, советских и иностранных гражданах и учреждениях. Какие сведения передать японским патронам, а какие приберечь для иных целей, решал лично начальник отдела М.А. Матковский⁶.

Главная ЯВМ в г. Харбине всерьез занялась военно-политической подготовкой эмигрантов к войне с Советским Союзом, в неотвратимости которой стратеги «нового порядка в Восточной Азии» не сомневались. По этому поводу в показаниях Х. Хаты говорится следующее: «В силу географических условий желательнее всего было бы избрать в качестве стратегического объекта для первого удара Байкальскую дорогу, но поскольку разница в численности обеих армий и транспортные возможности делали эту задачу невыполнимой, была поставлена стратегическая задача уничтожить в первую очередь части Красной Армии, находившиеся в Приморье. После этого уже должно было начинаться уничтожение дивизий Красной Армии, которые могли быть сконцентрированы на Западном или Северном фронтах»⁷.

Во время войны за «новый порядок в Восточной Азии» эмигранты, как и все население Маньчжоу-дого, несли трудовую повинность и устраивали обязательные благотворительные акции в пользу воюющей японской армии. В рамках Пакта о нейтралитете, подписанного 13 апреля 1941 г., японские власти прекратили прямую антисоветскую пропаганду. Вектор идеологической обработки населения был направлен на борьбу с Коминтерном и «белыми колонизаторами» — поработителями народов Восточной Азии. «Борцами с Коминтерном» подцензурная эмигрантская пресса называла Гитлера и Муссолини, союзников Японии по Антикоминтерновскому пакту. «Каменным барьером против прямой коммунистической экспансии на восточно-азиатских путях Коминтерна встала молодая Маньчжурская Империя...»⁸ — говорилось в одной из статей, предназначенных для ораторов-пропагандистов.

Положение русских фашистов после апреля 1941 г. оказалось двойственным. Слово «фашистский» исчезло из названий молодежных организаций, кураторы из ЯВМ рекомендовали Родзаевскому быть гибким в политической работе с населением и проявлять осторожность в пропаганде. По этому поводу японский историк Т. Накашима отмечает, что само существование фашистской партии зависело от японских интересов в Северо-Восточной Азии. В 1943 г., когда ход войны на Тихом океане изменился не в пользу Японии, партия была распущена⁹. Однако это обстоятельство не помешало «вождю» РФС К.В. Родзаевскому продолжать карьеру начальника 2-го (культурно-воспитательно-го) отдела Главного бюро.

Известие о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз вызвало широкий резонанс в эмигрантской среде. Информация о фашистских ордах, терзающих русскую землю, тайно распространялась по каналам Генерального консульства СССР в Харбине и перекрывала эффект, производимый официальной пропагандой. Трагедию

⁶ Матковский Михаил Алексеевич (1903–1968) — начальник 3-го административного отдела, один из заместителей начальника ГБРЭМ. В 1944 г. завербован советским резидентом, работал на советскую внешнюю разведку. В 1945–1946 гг. выступал свидетелем на Токийском процессе. В СССР был приговорен к 25 годам заключения за антисоветскую деятельность. Учитывая заслуги М.А. Матковского перед советскими органами госбезопасности, суд пересмотрел дело и сократил срок до 12, уже отбытых в заключении лет. В 1958 г. реабилитирован.

⁷ ЦА ФСБ России. Д. Р-45673. Т. 1. Л. 19.

⁸ *Война за Великую Восточную Азию и задачи русской эмиграции. Сборник статей для ораторов.* Харбин: Издательство Кио-Ба-Кай, 1942. С. 7.

⁹ Nakashima T. Forming the Russian Fascist Party in Harbin. 1925–1933 // *The Journal of Social Sciences and Humanities (Jinbun Gakuko)*. 2015. No. 505. P. 16.

Советского Союза многие ветераны белого движения восприняли как трагедию своей Родины, независимо от характера власти, которая сражалась с врагом. Они составили лагерь «оборонцев», желавших победы СССР. Настроения отцов передавались детям. После 22 июня 1941 г. в советское генконсульство пошел поток заявлений от эмигрантов с просьбой о приеме в советское гражданство, многие писали о желании служить в рядах РККА на советско-германском фронте. Маньчжурские власти приняли срочные меры по предотвращению роста «оборончества». Лиц, возбудивших ходатайство о переходе в советское гражданство, лишали продовольственных и хлебных карточек, увольняли с работы. Детей неблагонадежных родителей исключали из школ, самых подозрительных депортировали в СССР. Официально причина депортации объяснялась вредной деятельностью против Маньчжоу-дого и сокрытием факта обращения в советское консульство по поводу гражданства.

«Пораженцами» называли тех, кто усмотрел в германо-советской войне начало освобождения мира от коммунизма, которое неминуемо произойдет после свержения советской власти. Между «оборонцами» и «пораженцами», как водится, были те, кто не определил свою позицию или не хотел погружаться в политику. «Вождь» русских фашистов К.В. Родзаевский воспринял нашествие гитлеровских орд на СССР как начало освобождения России от большевизма и призвал соратников быть в полной боевой готовности к вторжению в СССР вместе с японской армией. Однако далеко не все соратники поддержали этот призыв. В годы войны пещерный антисемитизм и преклонение перед фашистской Германией отвратили от Родзаевского большую часть эмигрантской общественности.

Харбинка О.К. Войнюш свидетельствовала, что и в довоенные годы отец запрещал ей ходить на молодежные собрания, организованные фашистами, — так поступали во всех интеллигентных семьях¹⁰. Между тем отец Ольги Константиновны, участник Первой мировой и Гражданской войн, полковник К.М. Александров работал во 2-м отделе главной ЯВМ в Харбине, который, в частности, занимался анализом информации о Советском Союзе, полученной из советской прессы и секретных источников.

Русскоязычная пресса комментировала события на советско-германском фронте сдержанно, констатировала факты со ссылкой на японские источники. В соответствии с требованием цензуры противников Гитлера в газетах и журналах называли «неприятелем», избегая открытых нападок на Советский Союз. В октябре 1941 г. газета «Заря» сообщила эмигрантам, что «фюрер Гитлер уверен в своей победе»¹¹. Вдохновленные этим обстоятельством, русские националисты поместили в одном из номеров декларацию преданности России под названием «За русскую нацию и социальную справедливость», текст которой выдержан в духе речей и статей «вождя» Родзаевского. В связи с тем, что после советско-японского пакта слово «фашисты» звучало неполиткорректно, текст был представлен от имени организации под названием «Союз националистической молодежи». «Наша преданность России настоятельно повелевает нам содействовать всеми мерами скорейшему падению режима, который тормозит прогресс и заставляет служить нашу нацию пушечным мясом мировой революции, — говорилось в декларации. — ...Пусть та русская кровь, которая льется сейчас по вине коммунизма, падет жестокой ответственностью... на всех приспешников коммунизма...»¹²

Далее перечислялись обязательства, которые брал на себя Союз националистической молодежи: содействовать всем силам, борющимся с коммунизмом, «готовить кадры организованного русского действия», продолжать развитие «идеологии русской мыс-

¹⁰ Личный архив Е.Е. Аурилене. Интервью О.К. Войнюш (Санкт-Петербург, январь 1994 г.).

¹¹ Заря. 1941. 5 октября.

¹² Заря. 1941. 7 октября.

ли», бороться с изменниками, сепаратистами и авантюристами и т.д. Заканчивалась декларация заявлением: «Наш союз — Союз возрождения России, мы — националисты — возрожденцы»¹³. В этом же номере помещено поздравление К.В. Родзаявского, адресованное Союзу в честь его годового праздника, который отмечался в день «небесного покровителя» Сергия Радонежского. Декларация националистической молодежи новым содержанием не отличалась и состояла из набора фашистских лозунгов, звучавших на всех официальных мероприятиях, только без слова «фашизм».

С началом германо-советской войны культурно-воспитательный отдел ГБРЭМ разработал мероприятия для школьников, которые, по замыслу идеологов Кио-Ва-Кай, должны были способствовать «правильному» пониманию текущего момента. В школьных программах, публичных лекциях, тематических конкурсах и т.п. была четко выражена концептуальная линия: СССР — это не Россия; Россия разрушена силами Коминтерна; возрождать ее предстоит новому поколению патриотов в союзе с дружественной Японией.

В публичных местах выступали ораторы—пропагандисты, для которых издавались специальные сборники статей патриотической направленности. Конкурсы ораторского искусства проходили в эмигрантских школах. В одной из статей сборника говорилось: «...как русские националисты, в новых формах продолжающие борьбу с Коминтерном, как непримиримые враги теперешних хозяев нашей Родины, как убежденные противники Англии и Америки, помогающих длить красный плен России, мы от души приветствуем победы Ниппон в этой войне». Война Японии за «новый порядок в Восточной Азии» характеризуется в упомянутой статье как «освобождение мира от самой страшной угрозы, которая когда-либо существовала, от угрозы духовного и материального порабощения всех народов коммунистическим и финансовым интернационалами и многоликой темной силой,двигающей ими»¹⁴. Видимо, пафос текущего момента в представлениях автора текста «сгладил» антагонизм между коммунизмом и капитализмом. «За освобождением Азии придет освобождение России»¹⁵, — обещали эмигрантам пропагандисты «нового порядка».

Представление о том, какую патриотическую идею внедряли в сознание младшего поколения эмигрантов кураторы из Русского отдела Кио-Ва-Кай, дает конкурс речей среди учащихся русских школ. «России нет, — говорится в одной из них, — а есть чуждый нам СССР... Нет России. Есть русская нация. И наш патриотизм трансформируется в национализм. Вместо Родины мы имеем родной народ»¹⁶.

Подконтрольная жесткой цензуре эмигрантская пресса поставляла публике информацию о событиях на советско-германском фронте, полученную из японских источников. «Начинается последний решительный бой», — писала газета «Заря», комментируя обращение Гитлера к германской армии, переданное японским информационным агентством Кокуцу. «Мир никогда не видел ничего подобного. Территория на Востоке, оккупированная в настоящее время германскими и союзными войсками, в два раза превосходит территорию Германского рейха 1933 г. и в четыре раза превышает территорию Англии». Обращение заканчивалось заверением, что фюрер Гитлер не допустит восстановления СССР¹⁷.

¹³ Заря. 1941. 7 октября.

¹⁴ *Война за Великую Восточную Азию и задачи русской эмиграции. Сборник статей для ораторов.* Харбин: Издательство Кио-Ва-Кай, 1942. С. 22.

¹⁵ *Война за Великую Восточную Азию и задачи русской эмиграции. Сборник статей для ораторов.* Харбин: Издательство Кио-Ва-Кай, 1942. С. 22.

¹⁶ *Речи, произнесенные на конкурсе ораторского искусства русских учащихся.* Харбин: Издательство Особого отдела Кио-Ва-Кай, 1941. С. 12.

¹⁷ Заря. 1941. 11 октября.

Вместе с тем в 3-й отдел Бюро все чаще поступали агентурные сведения от советских источников, противоречившие официальным сообщениям с советско-германского фронта. Так, например, в двух донесениях, датированных 11 и 28 апреля 1942 г., содержится информация из разговоров советских граждан: «Положение на советско-германском фронте не такое уж плохое для СССР»; «...Скоро все эмигранты увидят, что на Гитлера рассчитывать больше нельзя»¹⁸.

14 мая 1942 г. агент Х-354 докладывал о разговоре с советским гражданином И.Я. Барановым, который утверждал, что за последний год более 400 чел., просрочивших советские паспорта, были восстановлены в гражданстве. В связи с выдачей продуктовых карточек выяснилось, что в Харбине «много лиц, числящихся совгражданами, но не имевших пролонгированных паспортов... Полиция считает их советскими, а советское консульство — не советскими. Советское консульство будет требовать от властей считать эмигрантами тех, кто утратил связь с консульством»¹⁹. 16 мая тот же агент представил аналитическую справку, в которой разделил проживавших в Харбине советских граждан на три категории: 1) пролонгировавшие советский паспорт; 2) не пролонгировавшие советский паспорт, т.е. *лишенцы*, которым советское консульство не оказывает правовой поддержки; 3) лица, имеющие советский паспорт, но в душе — противники советской власти; в эмигрантское состояние не переходят по разным причинам. 30 июля 1942 г. агент Х-354 снова обратил внимание на участвовавшие случаи пролонгации просроченных паспортов²⁰.

Массовое восстановление просроченных советских паспортов в 1941–1942 гг., о чем сообщал агент Х-354, показывает рост оборонческих настроений в эмигрантских кругах. Вместе с тем нельзя исключать и случаи, когда советский паспорт пролонгировался из соображений материального характера — для получения консульской поддержки в обеспечении продуктами и товарами.

Несмотря на давление официальной пропаганды, нацеленной на мобилизацию населения вокруг военно-политических интересов Японии, в годы Великой Отечественной войны СССР против Германии подавляющее большинство эмигрантов стало «оборонцами». Судя по тому, что в ноябре 1943 г. БРЭМ из административного органа был «разжалован» в разряд вспомогательного аппарата, можно сделать вывод, что благонадежность «эмигрантского правительства» была поставлена под сомнение. Японское командование имело серьезные основания для недоверия Бюро.

Анализ эмигрантской прессы за 1943–1945 гг. показывает, что количество сообщений о событиях на советско-германском фронте убывает пропорционально развитию стратегической инициативы РККА. В феврале—марте 1943 г. средства массовой информации Маньчжоу-дго ликовали по поводу германского контрнаступления под Харьковом. 12 марта 1943 г. «Захинганский голос» опубликовал информацию агентства Кокуцу: «...Словив упорное сопротивление неприятеля, германские войска продолжают наступление... Красная армия отходит... Германские войска в районе Донбасса... перешли в наступление и атаковали позиции неприятеля...»²¹ В июльских номерах за 1943 г. «Захинганский голос» сообщал о мероприятиях по поводу «Дня всероссийского траура» (день гибели царской семьи), о том, как «ниппонские войска громят банды китайских коммунистов» и проявляют чудеса мужества в борьбе с англо-саксами, о продвижении немецких войск на восточный берег Донца, о порядке получения нормированных продуктов и т.д. О том, что германская армия на Восточном фронте потеряла стратегическую инициативу, пресса не упоминала.

¹⁸ ГАХК. ф. Р-830. Оп. 3. Д. 10439. Л. 7–8.

¹⁹ ГАХК. ф. Р-830. Оп. 3. Д. 10439. Л. 14.

²⁰ ГАХК. ф. Р-830. Оп. 3. Д. 10439. Л. 29.

²¹ Захинганский голос. 1943. 12 марта.

Наводя «новый порядок в Восточной Азии», японские власти еще в 1935 г. выделили из населения Маньчжоу-дого «основные» национальные группы, к которым отнесли маньчжуров, японцев, корейцев, монголов и китайцев (ханьцев). Именно на их плечи возлагалась великая миссия освобождения народов от коммунизма и западного капитализма. Однако после сокрушительного поражения японского флота в сражении у атолла Мидуэй²² и провала гитлеровской армии под Сталинградом идеологи Кио-Ва-Кай пересмотрели упомянутый выше порядок «основных» национальностей. Опубликованные в феврале 1943 г. «Генеральные тезисы деятельности Кио-Ва-Кай» представили населению главные задачи текущего момента, а также объявили уточненный список «основных национальных групп» Китая (не Маньчжоу-дого, а Китая!), к которым теперь относились японцы, корейцы, маньчжуры, монголы и русские²³. Характерно, что титульная нация — китайцы — из списка вычеркнута, зато на первом месте оказались японцы. Присутствие русских в этом своеобразном рейтинге обусловлено расчетом на их лояльность японским патронам в сложившихся неблагоприятных условиях.

Пункт 10-й «Генеральных тезисов» гласил: «Русские обязаны стать лояльными подданными Маньчжоу-дого, изучать ниппонский (японский) язык, повышать свою профессиональную квалификацию и стабилизировать свою экономическую жизнь»²⁴.

Между тем подавляющая масса эмигрантов «лояльными подданными» становиться не желала. Поток заявлений в Генконсульство СССР продолжал расти, о чем не раз сообщали в НКВД СССР советские дипломаты. Так, в одном из донесений советского консульства в г. Маньчжурия, датированном декабрем 1943 г., говорилось: «Оборонцы — подавляющая часть белой эмиграции — искренно ненавидят японцев и продавшуюся эмигрантскую верхушку, открыто выступают против немецких планов закабаления русского народа. Эта позиция... подорвала устои белой эмиграции, покоившиеся на идее возрождения старой России»²⁵. Японские власти усилили надзор за эмигрантами, преследовали тех, кто вступал в деловые или личные контакты с советской колонией. Однако большого эффекта репрессивные меры не имели. По каналам советской разведки информация о положении на советско-германском фронте проникала в эмигрантскую среду, будоражила патриотические чувства россиян, стирала в сознании политическую грань, разделявшую белых и красных.

Учитывая настроения эмигрантов, японские власти не решились использовать русские воинские подразделения в войне с Красной армией. Как следует из показаний Х. Хаты, в мае 1945 г. курсы лесной полиции были закрыты, а русские воинские отряды расформированы: «Это было вызвано теми соображениями, что при возникновении военных действий нельзя было особенно рассчитывать на эффективность отрядов белоэмигрантов, а существование подобных частей только обостряло отношения с СССР. Кроме того, когда в условиях того времени приходилось даже часть личного состава японских воинских частей использовать для работы на военных заводах, было целесообразнее направить на производство белогвардейцев»²⁶.

Преобладание «оборонцев» в эмигрантском сообществе обеспечило советскую резидентуру внешней разведки сетью агентов и информаторов, в том числе среди служащих Бюро, ЯВМ, полиции. Был среди них и начальник 3-го отдела ГБРЭМ М.А. Матковский. Он сохранил от уничтожения и передал советскому командованию обширный ар-

²² Морское сражение у атолла Мидуэй, состоявшееся 4–7 июня 1942 г., закончилось полной победой США, обозначило поворот в ходе войны на Тихом океане в пользу противников Японии.

²³ Время (Харбин). 1943. 27 февраля.

²⁴ Время. 1943. 27 февраля.

²⁵ Цит. по: Аурилене Е.Е., Кротова М.В. Русские в Маньчжоу-дого: «свои» и «чужие» // *Родина*. 2012. № 12. С. 140.

²⁶ ЦА ФСБ России. Д. Р-45673. Т. 1. Л. 18.

хив Бюро, организовал взаимодействие «оборонцев» с советским консульством. В дни отступления японцев из Харбина эмигранты вместе с «Обществом советских граждан» спасли стратегически важные объекты города от разрушения и с ликованием встретили Красную армию.

20 августа²⁷ в Харбин вошли подразделения Красной армии, Архиепископ Нестор, почетный член фашистской партии, отслужил молебен в Свято-Николаевском кафедральном соборе в честь победителей. Харбинцы подходили к советским воинам, расспрашивали их о войне, о Советском Союзе, вручали цветы, сигареты, яблоки и конфеты — кто что мог, выражали восхищение подвигом и радость победы. Однако эйфория была недолгой. Советские органы дела у М.А. Матковского приняли, но отношения к эмигрантам не изменили. Командиры РККА объясняли своим бойцам, что это «враги советской власти», «белобандиты», «японские прихвостни» и т.д. В архиве БРЭМ есть документ, датированный 21 августа 1945 г., в котором перечислены 132 эмигрантские организации в Харбине, указаны «время открытия», адреса, количество членов и руководители²⁸. По всей видимости, список был подготовлен специально для советских оккупационных властей. Сохранный М.А. Матковским архив ГБРЭМ, особенно документы 3-го отдела, существенно облегчил спецслужбам поиск «врагов».

Пока русский Харбин радовался концу японского владычества, «вождь» русских фашистов К.В. Родзаевский находился в Тяньцзине в «обстановке вражьего и неопределенного окружения» и переживал мучительное «прозрение»²⁹. Он написал покаянное письмо Сталину, которое отправил в трех экземплярах тремя различными путями. Фашистский «вождь» из стана побежденных пытался объяснить коммунистическому вождю — победителю мотивы существования РФС и «найти понимание мучительной драмы российской эмиграции». Он писал, что в коммунизме фашисты не принимали интернационализм и исторический материализм, т.к. считали эту идеологию чуждой русскому народу. Будущую Россию они видели идеальной страной, в которой не будет допущена никакая форма эксплуатации — ни человека человеком, ни человека государством. Не зная реального положения дел в СССР из-за тотальной дезинформации, фашисты не заметили, что сталинизм примирил интернационализм с национализмом, а материализм — с религией, что «мифическое “Государство российской нации” и есть в сущности Союз Советских Социалистических Республик». «Прозрение» привело К.В. Родзаевского к выводу, что «сталинизм... это — наш “русский фашизм”, очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений»³⁰.

Неправильную генеральную линию РФС во время советско-германской войны раскаявшийся «вождь» называет «роковой ошибкой», которую объясняет «идейно-политическим заблуждением». Он признается, что навязал свою германфильскую позицию РФС и «упрямо настаивал на ней до конца, невзирая на сопротивление Верховного совета партии и подавляющего большинства российских фашистов»³¹. Он готов по справедливости нести единоличную ответственность и просит не винить остальных членов партии.

Досталось в покаянном письме фашистского «вождя» и Бюро по делам российских эмигрантов, которое, по его словам, фактически было русским отделом ЯВМ и

²⁷ В ряде источников появление подразделений РККА в Харбине датируется 19 августа. Расхождение связано с разными часовыми поясами Москвы и Харбина.

²⁸ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 41. Л. 9–18.

²⁹ Онегина С. Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину // *Отечественная история*. 1992. № 3. С. 100.

³⁰ Онегина С. Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину // *Отечественная история*. 1992. № 3. С. 94–95.

³¹ Онегина С. Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину // *Отечественная история*. 1992. № 3. С. 96–97.

только тем и занималось, что вело работу против фашизма, угнетало и разоряло эмиграцию, заискивало перед японцами. Выхлестнув накопившиеся претензии к БРЭМ, Родзаевский уверен, что только фашисты, работавшие в его аппарате, прилагали усилия для защиты «русских людей от бесконечных недоразумений и глупого произвола»³². Из письма следует, что отъезд в Тяньцзинь, в зону влияния англо-американцев, был обусловлен тем, что он предпочел оказаться вне пределов японской власти, чтобы принять свободное решение о добровольной и безоговорочной сдаче советским властям, чтобы «идти отныне, по настоящему русскому единолично пути, по советскому пути, ...которым ведет народы Сталин, Советское правительство, сталинская партия, — куда бы этот путь меня ни привел: к смерти, в концлагерь или к возможности новой работы»³³.

Можно ли верить в искренность фашистского «вождя»? Судя по тому, что он мог избежать встречи с советской фемидой, но предпочел сдаться, политическая исповедь К.В. Родзаевского вызывает доверие. О чистоте раскаяния свидетельствует и наивность человека, открывшего для себя «правду» о схожести сталинизма и фашизма и заявившего об этом открытии «вождю народов» Сталину. Однако чистоту помыслов раскаявшегося грешника советские спецслужбы в расчет не брали. Нам неизвестно, читал ли письмо адресат, но при любом раскладе «вождь» русских фашистов был обречен на первый из предполагавшихся им вариантов исхода — смерть. Для высшей меры наказания достаточно было одного только вывода, ставящего знак равенства между сталинизмом и фашизмом.

Изучение официальной русскоязычной прессы Маньчжоу-дого, материалов Токийского процесса, архива БРЭМ и документов личного происхождения свидетельствует о том, что идеологическая обработка русского населения Маньчжоу-дого в 1941–1945 гг. носила системный, всеохватывающий характер, была направлена на формирование образа врага в лице советской власти, лишившей эмигрантов Родины, распространявшей чуждую русскому духу идеологию Коминтерна по всему миру. Пропаганда ценностей японской идеологии и образа жизни шла через школу, общественно-политические организации, структуры БРЭМ, периодическую печать, массовые политические акции, включение эмигрантов в систему обеспечения нужд воюющей японской армии. Идеино-политическую пропаганду подкрепляли полицейский контроль в режиме военного времени и откровенная фальсификация событий на советско-германском фронте. Тем не менее превратить эмигрантов в послушных исполнителей своей воли хозяевам марионеточной империи не удалось. По этой причине в 1945 г. они не рискнули использовать русские воинские подразделения против Красной армии. Для большинства русской эмиграции патристическое чувство оказалось сильнее страха перед военно-полицейским режимом.

Литература

Аурилене Е.Е., Кротова М.В. Русские в Маньчжоу-дого: «свои» и «чужие» // *Родина*. 2012. № 12. С. 138–141.

Время. 1943. 27 февраля.

Война за Великую Восточную Азию и задачи русской эмиграции. Сборник статей для ораторов. Харбин: Издательство Кю-Ва-Кай, 1942. 82 с.

Документы из Государственного архива Хабаровского края (ГАХК).

Документы из Центрального архива ФСБ России (ЦА ФСБ России).

Заря. 1941. 5 октября.

Заря. 1941. 7 октября.

Заря. 1941. 11 октября.

Захинганский голос. 1943. 12 марта.

³² Онегина С. Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину // *Отечественная история*. 1992. № 3. С. 97.

³³ Онегина С. Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину // *Отечественная история*. 1992. № 3. С. 98.

Личный архив Е.Е. Аурилене. Интервью О.К. Войнюш (Санкт-Петербург, январь 1994 г.).

Онегина С. Письмо К.В. Родзевского И.В. Сталину // *Отечественная история*. 1992. № 3. С. 92–100.

Речи, произнесенные на конкурсе ораторского искусства русских учащихся. Харбин: Издательство Особого отдела Кио-Ва-Кай, 1941. 50 с.

Nakashima T. Forming the Russian Fascist Party in Harbin. 1925–1933 // *The Journal of Social Sciences and Humanities (Jinbun Gakuko)*. 2015. No. 505.

“The Liberation of Russia Will Come After the Liberation of Asia”. Russian Emigrants in Manchuquo in 1941–1945.

Elena E. Aurilene

Dr.Sc. (History), Professor, the Far-Eastern Institute of Management — FGBOU VPO “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration” (address: 33, Muravyov-Amursky St., Khabarovsk, 680000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6949-6919. E-mail: elena_aurilene@mail.ru

Svyatoslav V. Tuzhilun

Ph.D. (History), Expert of the Moscow Branch of the Russian Military Historical Society (address: 17, Petrovka St., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6949-6919. E-mail: svyatoslav.tuzhilin@yandex.ru

Received 20.05.2022.

Abstract:

The article examines the situation of Russian emigration in the puppet state of Manzhou-guo in the conditions of the war for "Great East Asia". Based on the unique archives of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (BRAM), documents of the Tokyo process, Russian-language publications, sources of personal origin, the attempts of the Japanese command to use the patriotic sentiments of the "white Russians" to turn them into loyal subjects of the puppet empire and allies in the struggle for supremacy in the Eastern Asia. To this end, under the control of the Japanese military missions, systematic ideological and political work was launched aimed at bringing the values of the Japanese great-power policy into the consciousness of the emigrant population. Propaganda of the Japanese ideology and way of life went through the school, socio-political organizations, BRAM structures, periodicals, mass political actions, the inclusion of emigrants in the system of providing for the needs of the belligerent Japanese army. Ideological and political propaganda was reinforced by police control in wartime mode and open falsification of events on the Soviet-German front. The attack of Hitler's Germany on the Soviet Union had a wide resonance in the emigrant environment, causing a rapid growth of defensive sentiments. For the majority of the Russian population, patriotic feeling turned out to be stronger than political propaganda and fear of reprisals carried out by the military-police regime. Many emigrants, including employees of law enforcement and other official institutions, began working for Soviet intelligence. For this reason, in 1945, the Japanese authorities did not dare to use Russian military units trained to fight the Red Army.

Key words:

Russian Emigration in Manchuquo, “defencists” and “defeatists”, the Bureau for the Russian Emigrants’ Affairs in the Manchurian Empire, “the new order” in the Eastern Asia.

For citation:

Aurilene E.E., Tuzhilun S.V. “The Liberation of Russia Will Come After the Liberation of Asia”. Russian Emigrants in Manchuquo in 1941–1945 // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 5. Pp. 159–170. DOI: 10.31857/S013128120022108-9.

References

- Aurilene E.E., Krotova M.V. Russkie v Man'chzhou-digo: «svoi» i «chuzhie» [Russians in Manchukuo: “us” and “them”]. *Rodina*. 2012. No. 12. S. 138–141. (In Russ.)
- Documents from The State Archive of the Khabarovsk Territory (*GAHK*). (In Russ.)
- Documents from Central Archive of the FSB of Russia (*CA FSB Rossii*). (In Russ.)
- Lichnyj arhiv E.E. Aurilene [Personal archive of E.E. Aurilene]. Interv'yu O.K. Vojnyush (Sankt-Peterburg, yanvar' 1994 g.). (In Russ.)

- Nakashima T.* Forming the Russian Fascist Party in Harbin. 1925–1933. *The Journal of Social Sciences and Humanities (Jinbun Gakuko)*. 2015. No. 505.
- Onegina S.* Pis'mo K.V. Rodzaevskogo I.V. Stalinu [Letter of K.V. Rodzaevsky to I.V. Stalin]. *Otechestvennaya istoriya*. 1992. No. 3. S. 92–100. (In Russ.)
- Rechi, proiznesennye na konkurse oratorskogo iskusstva russkih uchashchihsya [Speeches delivered at the oratory competition of Russian students]. Harbin: Izdatel'stvo Osobogo otdela Kio-Va-Kaj, 1941. 50 s. (In Russ.)
- Vojna za Velikuyu Vostochnuyu Aziyu i zadachi russskoj emigracii* [War for Great East Asia and the tasks of the Russian emigration]. *Sbornik statej dlya oratorov*. Harbin: Izdatel'stvo Kio-Va-Kaj, 1942. 82 s. (In Russ.)
- Vremya. 1943. 27 fevralya. (In Russ.)
- Zahinganskij golos. 1943. 12 marta. (In Russ.)
- Zarya. 1941. 11 oktyabrya. (In Russ.)
- Zarya. 1941. 5 oktyabrya. (In Russ.)
- Zarya. 1941. 7 oktyabrya. (In Russ.)